

The background of the cover is a photograph of a multi-story apartment building. The building has a weathered, somewhat dilapidated appearance with peeling paint and many windows. A person is walking away from the camera on a snowy path in the foreground. The overall tone is somber and gritty.

ОБЛАКО В КАРМАНЕ

Виталий Ковалинский
Ростислав Сапожников

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Ростислав Сапожников

Облако в кармане

«Автор»

2025

Сапожников Р.

Облако в кармане / Р. Сапожников — «Автор», 2025

Сибирский городок, декабрь, минус сорок. Восьмиклассник Данил Тучиев находит в заброшенном бассейне замёрзшего человека, забирает у него армейский нож и красную зажигалку — и с этого утра всё идёт наперекосяк. Отец недавно умер, мать пьёт, учительница русского по прозвищу Сметана ставит к мусорному ведру за минуту опоздания, а за пазухой лежит вырванная из атласа карта Монголии. Там двадцать овец на человека и никто никого не судит. Четверо пацанов из восьмого «Б» решают уйти через границу пешком — тридцатого декабря, в сорокаградусный мороз. «Облако в кармане» — роман о взрослении без скидок: о школьной жестокости и неожиданной доброте, о вещах мёртвых, которые надо вернуть живым, о банке консервированных ананасов, о степи, где нет стен, и о людях, которые ищут тебя, даже когда ты не хочешь, чтобы тебя нашли.

© Сапожников Р., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Глава	5
Первая глава. Далеко бежит дорога (впереди веселья много)	6
Вторая глава. Монголия Тучиева	10
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Облако в кармане

Глава

Облако в кармане

Первая глава. Далеко бежит дорога (впереди веселья много)

Дверь подъезда отворилась с противным писком, и передо мной предстало тёмное сибирское утро. На часах было восемь, а это значило, что на урок русского языка мне сегодня, как ни беги, не успеть. За этот страшный проступок полагалось отправиться на позорный пост возле мусорного ведра — до самого звонка. Поэтому я не торопился и шёл своим обычным шагом узника Бухенвальда. Зима тянулась уже второй месяц, на улице было непривычно тихо, и мне было как-то неуютно без осеннего птичьего гомона. Интересно, куда они улетают каждый год? Может, у них есть своя школа, где их шугают и натаскивают для будущей взрослой жизни. Я сразу представил маленьких воронят в смешных пиджаках, вроде тех, что носим мы, — как они сидят, понутив клювы, за исписанными партами мрачным декабрьским утром перед лицом нашей учительницы Елены Николаевны. Воображение дорисовало ей фуражку офицера СС: «А вас, Ворон, я попрошу остаться».

Сегодня была среда, и меня ожидали мои шесть уроков. До школы было минут восемь ходу. Оставалось раздеться в гардеробе и подняться на третий этаж, где располагался кабинет нашего рейхсфюрера. Этих семнадцати мгновений было достаточно, чтобы отправить меня в получасовую ссылку к мусорному ведру.

Познакомился наш класс с этой оторвой, свято блюдущей точность — вежливость королей, в шестом классе. И за какие-то два года она выстроила из нас ту банду, которой мы ей сейчас предстали. Наши ребята не любили ходить на шестые и седьмые уроки, но на уроки Елены, или, как её ласково называли, Сметаны, являлись все. Прозвище она получила после недавнего рассказа о своём тёмном прошлом, в котором была продавщицей сметаны на рынке. Благодаря её педагогическим методам, прямиком из казармы, наш класс всегда приходил на русский вовремя. Говоря об опозданиях, нельзя не отметить: если хоть один ученик опаздывал на её шестой урок, весь класс непременно оставался и на седьмой. Что тут говорить, если это был единственный учитель, на уроке которого наш эскадрон присутствовал в полном составе, за исключением пары лиц. Чего не скажешь о физре, с которой линяли все без исключения.

Большая часть дороги тем временем была пройдена. Снег легко и весело скрипел под подошвой. Путь мой походил на безумный каток смерти, на котором я однажды даже сломал руку. Нужна была недюжинная ловкость, чтобы устоять на льду поверх асфальта и не очутиться в куче собачьего кала, которого на дорогах моего города было предостаточно. Убирать за своими питомцами у нас почему-то было не принято. По правую и левую руку меня окружали пятиэтажки, а впереди уже виднелась моя школа. Она была в виде буквы «П», заключённой в квадрат забора. Перед входом была спортивная площадка, больше напоминавшая поле с двумя турниками, как и в большинстве учреждений подобного типа. Напротив школы стояли магазинчик вроде армейского чипка и детский сад. Перебежав проезжую часть, отделявшую меня от периметра образовательного учреждения, я открыл калитку. Слева раскинулось место моего ежедневного заточения. Стены его были украшены мозаикой из мраморной крошки. Окна были деревянные, и во всех горел свет. Впереди меня шёл такой же опоздавший бедолага. Ускорив шаг, чтобы обогнать его, я увидел, что это шестиклассник по кличке Карась.

— Как живёте, караси? — спросил я его.

Школьник лишь хмуро посмотрел на меня. Дёрнув за ручку двери, я оказался внутри. Охранник сидел за своей партией и смотрел в стену. Поговаривали, что раньше он работал учителем истории, но потом по непонятным причинам подался в сторожа. Пройдя мимо него и очутившись в гардеробе, я заметил, что пара курток сброшена с вешалок на пол. Кто-то на них прилично потоптался. Такой способ расправы над имуществом обидчика был у нас в ходу.

Выйдя из гардероба, я увидел, что бывший историк по-прежнему сидит на своём боевом посту, аки статуя первого американского президента.

Поднявшись по лестнице на третий этаж, я открыл дверь класса. Учительница, увлечённо что-то объяснявшая, прервалась и посмотрела на меня.

— Чё, опять за старое взялся?

— Всё за новое, всё за новое.

— Давай не умничай и становись на свою тумбу-юмбу.

Мне ничего не оставалось, как отправиться в свой мусорный дозор. Но минут через пять я предпринял контратаку — переместил свою брентную тушу за пустую парту напротив корзины. Сметана опять прервала своё вещание и уставилась на меня, сидящего, как удав на кролика. Через минуту этого сверления моё наступление захлебнулось, и я отступил на пост. Посмотрев на часы, я понял, что находиться во власти этой валькирии мне ещё двадцать девять минут. Я достал из кармана блокнот — маленький, в клетку, с которым не расставался, — и записал: «Среда. Пост у ведра. Без происшествий».

Потом моё внимание переключилось на кабинет, в котором разыгрывалась очередная ежедневная драма. Еленка раскатывала Павлика за незнание разницы между двусоставным и односоставным предложениями.

— Бестолочь! Я что тут, зря распиналась пол-урока? Всё разжевала специально для таких, как ты, а ты и этого запомнить не можешь, идиот. Или ты меня не слушаешь? Тогда какого ты тут сидишь, а? Иди в караул вместе с этим, — она показала на меня. — Думаешь, у меня можно просто так отсидеться? А вот нет. Мне это уже надоело, честно. Ты, Павлов, сейчас решай, как дальше жить будешь. Запомни, Валентин: либо ты участвуешь в нашем учебном процессе, либо на мой урок больше не приходи.

Павлов лишь тупо смотрел на её тираду. Самое интересное, что этого ученика больше всех пугали одноклассники, и в то же время самое большое внимание Сметана уделяла именно ему. Мне кажется, она понимала роль Павлика в коллективе и, как и его же соплеменники, только укрепляла это положение. Дело в том, что Еленка была своей в доску, и это помогало ей удерживать власть над школьниками. Кто испугается старой бабки-исторички, скованной цепями всяческих педагогических компетенций? Другое дело наша Еленка, способная, по слухам, на всё — от бранного слова до сломанной руки. Как будто ребёнку нарисовали морщины и поставили учить тех детей, из мира которых он сам недавно вышел. И нелепо полагать, что он не притащит с собой привычки, приобретённые в этих глупых школьных играх.

Я оглядел наш класс. Пары лиц не было. Кан — понятно, бродит где-то по нашим пенатам. А вот куда делся Туча — непонятно. Впрочем, отсутствие двух и более лиц было у нас делом обычным. Все отсутствующие старательно запасались справками, иначе их ждала суровая кара в виде внезапной двойки от Сметаны. Исключение — Олег Канышев, который не появлялся уже пару месяцев. Нет, были деньки, когда Кан возникал в наших стройных рядах, но вскоре снова пропадал — как он сам говорил, в степи. Это было что-то вроде духовной свободы от школы и прочих прелестей жизни несовершеннолетнего. Олег мог себе это позволить, поскольку жил один в однокомнатной квартире, а деньги ему подкидывали родители, работавшие вахтой где-то на севере. Конечно, такая удивительная вольность не могла остаться незамеченной, и наши орлы срочно донесли Еленке о положении дел. Еленка тут же начала охоту на Кана: собирала какие-то бумаги, ходила к директору, — но дамоклов меч, нависший над головой слишком вольного школьника, всё не опускался. Причина, наверное, крылась в том, что пахану нашего заведения была невыгодна шумиха вокруг лишения родительских прав родителей одного из учеников.

Класс представлял собой бетонный карман с двадцатью партами, учительским столом, доской и тремя шкафами за задними рядами. Ещё была картина над головой учителя. На ней был изображён фрегат, попавший в шторм. Я любил смотреть на это полотно во время Елен-

киного бубнежа, представляя себя эдаким корсаром в логичном конце своей карьеры морского разбойника.

Распыв Павлова, Еленка начала свой обыденный гундёж. Судя по её удовлетворённому лицу, скальпом Валентина она была довольна, и вещание про грамматические правила великого и могучего вряд ли собиралось прекращаться. Мне эти ударные дозы знаний были ни к чему, поэтому я сел на корточки и начал срастаться с миром корабля, попавшего в морскую распутицу.

Звенит звонок, но Сметана не останавливает свой поток бесценных знаний. Она считала, что урок должен заканчиваться только тогда, когда она захочет, и бывало, что мы задерживались у неё в классе на лишние десять минут. Я действую быстро: вскакиваю, попутно хватаю портфель и ныряю в гам бело-зелёного коридора. Там таким же блицкригом лечу к лестнице. Операция была дерзкая, но мне казалось, что сегодняшний день требует от меня решительности и неумолимости. Прохожу два лестничных пролёта и попадаю на первый этаж. В коридоре было полно народу, и школьники копошились в его стенах, словно тараканы. У некоторых уже пробивались первые подростковые усики. Пройдя мимо их угрюмых мурл, я повернул налево, и передо мной явился охранник, восседающий на своём обветшалом троне. Его взгляд был направлен в никуда. Интересно, где он в этот момент находится, какие миры или далёкие жаркие страны его беспокоят. По правую руку пролетела вечно распахнутая дверь столовой. Я подошёл к окну перед спортзалом и присел на подоконник в ожидании своих.

За окном, во внутреннем дворе, бесновалась сибирская зима, даря ёлкам новые белые шубы. Вообще, в этот параллелепипед физрук под кодовым именем Леонидыч загонял самых слабых школьников чистить снег. Зачем это нужно было делать руками несчастных учащихся, было мне глубоко непонятно, но в действиях Серёги многое не вписывалось в светлый учительский образ. Например, походкой он напоминал беременного пингвина, а посреди урока мог смыться в круглосуточный магазин «Парус» за бутылкой креплёного пива. Происходил этот исход физрука регулярно, оставляя почитателей физической культуры надолго одних. Впрочем, почитатели отвечали на такие движения Леонидыча дерзким побегом с бессмысленного урока. Их и так было немного, потому что на физру никто не ходил, в том числе и я. Меня как-то напрягал общий вид зала с решётками на окнах. Что-то было в этом от крытки.

Вот из-за угла появился первый школьник, и это оказался Шансунг. Это был рослый парень в очках, с тёмными волосами и добрым русским лицом, которого явно хорошо кормили дома. Он подошёл ко мне быстрым шагом и, улыбаясь во всю рожу, начал гнать свою телегу:

— Бля, ты чё с урока-то съебался? Нас Еленка ещё минут пять из-за тебя держала. Мог бы, бля, посидеть, хули тебе бы стало с этой пиздопроёбины ебаной. А нам, бля, перемена дана на десять минут, а эта хуйлуша половину забрала.

— Если бы ты, Шаня, знал, как мне похуй на эту кралю, ты бы заплакал. Да и кто ты вообще по жизни, бля? Посланник моего дорогого, бля, коллектива? Я этот коллектив в рот ебал, как и твою Елену, ебать её в сраку, Николаевну. Я сам за себя отвечаю, и в рот я ебал эту её коллективную, блядь, ответственность. Вот ты мне скажи: какого хуя, если проебался один, страдает всё наше стадо?

— Это с совка у них у всех. Их там государство коллективно в жопу ебало, вот они на нас и отыгрываются.

— Но почему, если совдеп ебал её в сраку, должны страдать мы? Может, её директрисе на карандаш? Следующей малявой: так и так, примите меры.

— Не поможет. Золотухин так делал и был логично послан нахуй. Ты, видать, вообще не вдупляешь, что это за тётя. Это тебе не краля из кабинета английского, которая каждый урок проводит в слезах, глядя в окно взглядом блядской берёзы. Еленка — она, понимаешь, последний оплот дисциплины. Ты посмотри, как она даже выглядит, какая выкладка. Настоящий цербер. Зверь, а не женщина. Не на русский язык попадаешь, а прямо в список Шиндлера.

Её директриса хранит для особого случая, если настанет совсем пиздец. Начнём этого козла физрука с остальными профурами на ножи сажать — выйдет эта хуйня, и всё, пизда, она нас всех к рукам приберёт: кому ухо отрежет, кого так отпиздит — и свободен.

— Лечиться бы твоей директрисе с такими схемами.

— Блядство это всё конкретное.

Мы помолчали. Мимо прошёл Пастернак — Влад Боголюбов, тот, что в очках и с лицом, как с портрета, — прошёл, не глядя по сторонам, прижимая к груди тетрадь по географии, будто нёс в ней что-то запрещённое. Шаня проводил его взглядом.

— Видал? — сказал он. — Смурной ходит вторую неделю. С Тучей что-то мутят. Туча, говорят, болеет. Ага, болеет — его позавчера у ларька на Пролетарской видели, с пивом. И Кана, говорят, на вокзале видели, у расписания стоял. Чё-то затевают, отвечаю.

— Может, в армию собрались, — сказал я. — Добровольцами.

— Им по четырнадцать.

— Ну, значит, в пионеры.

Шаня заржал. Звонок на второй урок застал нас на подоконнике. Мы нехотя поплелись на алгебру, и по дороге я смотрел в окна, где снег падал на спортплощадку, на два турника, на магазинчик напротив, — падал медленно и тяжело, как будто тоже не хотел никуда идти. Тогда я ещё не знал, что Шаня прав. Шаня вообще всегда был прав насчёт движа — просто он никогда не знал, какого именно.

Вторая глава. Монголия Тучиева

Просыпаться было больно. Похмелье ударило неожиданно, как немцы в сорок первом, в четыре утра. В окне стояла жуткая темень, один фонарь пытался справиться с потоком снежинок, которые настырно намеревались перекрыть единственный лучик света в непроглядном мраке двора. Мать спала — по крайней мере, мне так казалось. Я вышел на кухню, как разведчик, на полусогнутых, подгибая пятки и шатаясь, как последний алкаш, тихо взял вазу с засохшими цветами и залпом выпил всё содержимое. Земляной привкус был куда лучше, чем мертвецкий смрад, окутывавший всю полость рта. В школу мне сегодня явно не светило: придётся снова нагреть градусник на батарее и притвориться больным. Хотя моё состояние и так можно было назвать болезненным, через пару часов я обычно уже был бодр.

Желание закурить манило меня на балкон, но адский скрежет балконной двери разбудил бы горгону, и тогда мне точно не отмазаться от школы. Пачка была спрятана внутри гитары, которая спокойно висела на стене и никого не трогала. Я добрался до неё и начал шерудить в резонаторном отверстии в поисках «Беломора». Папиросы были для меня настоящим наслаждением: едкий вкус табака и приятный никотиновый привкус вселяли надежду на лучшую жизнь. Но правда была такова, что с такими пристрастиями жить мне было недолго. Мой отец совсем недавно умер от рака лёгких, курил как паровоз — и меня это ничуть не остановило. Я достал одну папироску, взял коробок спичек, в который стряхивал пепел, сунул всё в карман и пошёл одеваться. Надел зимние берцы и тёплую куртку отца, которая была для меня настоящей ценностью, выбрался на улицу и побрёл в сторону заброшенной стройки времён СССР — недостроенного бассейна на краю замёрзшего песчаного карьера.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.